
Е. М. ЮХИМЕНКО

Изучение памятников художественной церковной старины старообрядцами в начале XVIII в.

Реформа патриарха Никона, в ходе которой были изменены многие привычные обряды и обычаи Русской церкви, вызвала к жизни обширный пласт полемической литературы и именно в этой связи явилась мощным толчком к изучению отечественных церковных древностей.

Сочинения уже первых учителей староверия, написанные преимущественно на основе книжных памятников, содержали подбор доказательств в пользу старых обрядов по основным вопросам: о крестном знамении, о сложении перстов при архиерейском благословении, о написании имени Спасителя, о форме печати на просфорах, о трисоставном кресте, об аллилуйи, о Символе веры и др. Произведения ранней старообрядческой полемики создавались в стесненных условиях открытого противостояния, поэтому их авторы вынуждены были опираться на хорошо им известные печатные, реже письменные тексты; памятники иконописания и стенописи оставались за рамками системы доказательств той поры.

С конца XVII в., с ослаблением гонений на ревнителей дониконовской церковной традиции и с переходом старообрядчества к новому этапу своей истории — этапу «мирного сосуществования» и создания крупных старообрядческих центров — меняется и содержание полемических сочинений в защиту древнего православия: значительно расширяется круг привлекаемых свидетельств, происходит систематизация накопленного материала.

Желание углубить свою аргументацию в пользу истинности древних обрядов привело старообрядцев к планомерному сбору доказательств церковно-археологического характера.

Первым предпринял труд такого собирательства москвич Тимофей Матвеев Лысенин, около 1708 г. переселившийся на Керженец и ставший одним из руководителей дьяконовского согласия. В своих трудах, которые он называл «книгами» (что вполне соответствует их объему) и сам датировал 1706—1713 гг., Т. М. Лысенин изложил свидетельства в пользу старых обрядов, почерпнутые им из древних рукописных и старопечатных книг, икон, предметов церковного искусства.¹ Параллельно с Тимофеем Лысениным соби-

---

¹ *Беляева О. К.* Полемические сборники и сочинения старообрядцев диаконовского согласия : (Некоторые предварительные замечания) // *Христианство и Церковь в России феодального периода : Материалы.* Новосибирск, 1989. С. 211—227; *Гурьянова Н. С.* Сборники подготовительных материалов к Дьяконовым ответам // *Археографические исследования отечественной истории : Текст источника в литературных и общественных связях.* Новосибирск, 2009. С. 58—90.

рали сходный материал и выговские книжники, о чем прямо свидетельствовал историк пустыни Иван Филиппов. Во второй половине 1710-х гг. сведения о чудотворных богородичных иконах начал собирать ключарь кремлевского Благовещенского собора Симеон Моховиков; своеобразным ответом на «иконоборческую ересь» Димитрия Тверитинова стал составленный им обширный сборник «Солнце пресветлое», включающий краткие повествования о более чем 130 богородичных образах, дополненные описаниями ряда московских святынь и проиллюстрированные гравюрами.² Хотя Симеон Моховиков, без сомнения, был старообрядцем, его сводный труд не касался проблем полемики между сторонниками и противниками церковной реформы патриарха Никона.

Наиболее полными компендиумами доказательств в пользу старых обрядов стали Дьяконовы ответы (1719) и Поморские ответы (1723). Сопоставление сведений Жития Андрея Денисова с наблюдениями над конкретными памятниками рукописной книжности позволило нам прийти к выводу, что именно Тимофей Лысенин явился инициатором обращения дьяконовцев к Андрею Денисову за помощью при составлении Дьяконовых ответов; для этой работы он передал выговскому киновиарху и свой собранный и систематизированный материал.³ Этот материал выговские книжники широко использовали при работе над Дьяконовыми, а затем и над Поморскими ответами, в которые они добавили и собственные наработки. В результате был значительно расширен круг источников не только письменных, но и изобразительных.

Обращение старообрядцев к памятникам рукописной и печатной книжности уже являлось предметом самостоятельного научного изучения.⁴ Тот факт, что памятники иконописания и декоративно-прикладного искусства изучались старообрядцами еще в начале XVIII в., почти не привлекал внимания исследователей.⁵

В самую обширную книгу Тимофея Лысенина 1710 г. вошло «Свидетельство о святых иконах, где кои обретаются», в котором «от части» в 60 пунктах перечисляется около 100 памятников церковной старины.⁶ В Дьяконовых

² О сборнике ключаря кремлевского Благовещенского собора С. Моховикова см.: *Поздеева И. В.* Вновь найденный сборник Симеона Моховикова с гравюрами Г. П. Тепчегорского // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. : (К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского) : Материалы науч. конф. М., 1976. С. 175—198; *Буланин Д. М., Турилов А. А.* Моховиков Симеон Федорович // Словарь книжников. Вып. 3, ч. 2. СПб., 1993. С. 366—368; *Кочетков И. А.* Свод чудотворных икон Богоматери на иконах и гравюрах XVIII—XIX веков // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 404—420; *Щенникова Л. А.* Почитание святых икон в Московском Кремле в XVI—XVII столетиях // Искусство христианского мира. М., 2000. Вып. 4. С. 163—166; *Зименко Е. В., Кобяк Н. А., Шульгина Э. В.* Новые данные о сборниках «Солнце пресветлое» // Вестник РГНФ. М., 2010. Вып. 3. С. 140—149.

³ *Бубнов Н. Ю., Юхименко Е. М.* Дьяконовы ответы // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 16. С. 516—518.

⁴ *Шашков А. Т.* Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII—XVIII в. : (Подделка и ее разоблачение) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 80—87; *Поздеева И. В.* Древнерусское наследие в истории традиционной книжной культуры старообрядчества (первый период) // История СССР. 1988. № 1. С. 88—92.

⁵ *Юхименко Е. М.* 1) Старообрядческий опыт церковной археологии // Патриарх Никон и его время. М., 2004. С. 348—363 (Труды ГИМ. Вып. 139); 2) Памятники церковной старины как главный довод в полемике старообрядцев и новообрядцев // Старообрядчество : История и современность : Материалы Междунар. научно-практической конф. СПб., 2009. С. 32—35.

⁶ РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1256, стб. 889—913.

и Поморских ответах упоминается более 60 памятников.⁷ Еще 20 памятников приведены в сочинении Андрея Денисова «О федосеевцах» 1710 г.⁸ Большая их часть была изучена «самовидѣнием», т. е. de visu в тех местах, где эти святыни находились: в соборах, церквях и монастырях Москвы, Киева, Владимира, Новгорода, Пскова, Звенигорода, Переславля, также в монастырях Соловецком, Троице-Сергиевом, Псково-Печерском, Саввино-Сторожевском, Дионисиево-Глушицком, Спасо-Прилуцком, Сосновецком. Этот перечень поражает своей географической широтой.

Для доказательства своей правоты старообрядцами были привлечены разнообразны́е реликвии и произведения церковного искусства: иконы темперные и резные, кресты поклонные, напрестольные, запрестольные, надгробные; Корсунские медные врата в Новгороде, царское место в Успенском соборе Московского Кремля, архиерейские жезлы. Среди этих памятников были такие, которые остаются святынями православия и поныне.

В Дьяконовых и Поморских ответах свидетельства изобразительных источников привлекались главным образом в доказательство древности двуперстного крестного знамения и двуперстного архиерейского благословения; в написанном против федосеевцев сочинении Андрея Денисова — в доказательство отсутствия на древних памятниках титлы ИИЦІ.

В Москве старообрядцы не только видели, но и подробно изучили древние памятники, находившиеся в Успенском соборе.

Двуперстное сложение благословляющей руки Иисуса Христа было отмечено: на Влахернской иконе Богоматери⁹ (заметим точность описания этого рельефного воскомастичного образа: «предивно состроенный из вещей и из мощей святых, аки вылитый» — ДО. 27; ПО. 41, 307);¹⁰ на Петровской¹¹ (рис. 1) (ДО. 27; ПО. 37, 307); в изображении Вознесения на древнем «златосияющем» окладе Владимирской иконы Богоматери¹² (ДО. 26, 42; ПО. 35, 42, 307); на образе Софии Премудрости Божией, написанном митрополитом Петром,

⁷ Ответы Александра диакона (на Керженце), поданные Нижегородскому епископу Питириму в 1719 г. М., 1906. [Репринт изд.]. С. 35, 32, 25, 42 (далее ссылки на это издание даются сокращенно: ДО и номер страницы); Поморские ответы. [М., 1911. Репринт изд. 1996]. С. 28, 32, 308, 470 (далее ссылки на это издание даются сокращенно: ПО и номер страницы).

⁸ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 91, № 5.

⁹ Христианские реликвии в Московском Кремле. М., 2000. С. 137—138. В 1701 г. эта икона находилась в киоте и под драгоценным окладом (РИБ. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 667—670).

¹⁰ Сходным образом описывал эту реликвию и Симеон Моховиков в сборнике «Солнце пресветлое»: «А состроена бысть святая сия чудотворная икона из разных многих святых мощей, чудно зѣло изваянна, аки литая, мѣрою три четверти, нынѣ же обрѣтается в царствующем градѣ здѣ на Москвѣ в большом Успенском соборѣ во олтари доднесь» (ГИМ, Музейское собр., № 42, л. 150 об.).

¹¹ Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 244—246; Иконы Успенского собора Московского Кремля: XI—начало XV века: Каталог. М., 2007. С. 232—236. В 1701 г. икона находилась в алтаре, под драгоценным окладом и в киоте, устроенном патриархом Адрианом в 1695 г.: «У киота на исподней дщице» была сделана надпись: «Сию икону живописца дней своих святыи Петр митрополит, всеа России чудотворец...» (РИБ. Т. 3. Стб. 672).

¹² Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 236—237. По всей видимости, оклад митрополита Фотия. Этот оклад Владимирской иконы Богоматери, стоявшей «по левую сторону царских и северных алтарных дверей», подробно описан в Описи Успенского собора 1701 г.: «...да на полях дванадесять праздников златых чеканных...» (РИБ. Т. 3. Стб. 580). Опубл.: Толстая Т. В. Успенский собор Московского Кремля. М., 1979. С. 116 (атрибуция: Первая треть XV в. Москва. Фотиевские мастерские).

в алтаре¹³ (ДО. 35; ПО. 307), на образе Спаса в архиерейской одежде («Предста Царица»)¹⁴ (рис. 2) (ДО. 30; ПО. 49), на иконах Деисусного ряда «Спас на престоле», «Св. Иоанн Предтеча», «Св. апостол Фома», «Св. апостол Лука»¹⁵ (ДО. 40; ПО. 49); «образ Печерский на церкви Ризы положения, у большаго Успенскаго собора» (ДО. 28).¹⁶

Кроме того, из святынь Успенского собора в старообрядческих ответах упомянуты запрестольный крест, принесенный князем Владимиром из Корсуни и находившийся в алтаре Успенского собора (ДО. 35, 32, 25, 42; ПО. 28, 32, 308, 470); царское место (образ Троицы, начертанный «резным художеством» — ДО. 32; ПО. 34), посох митрополита Петра¹⁷ (ДО. 119; ПО. 379) и «сребролитый» образ святителя Ионы («возраста мѣроу святаго и подобия» на его гробнице¹⁸ — ДО. 41; ПО. 41).

В сочинении 1710 г. Андрей Денисов также называет целый ряд святынь православной церкви, хранившихся в алтаре Успенского собора: «старописанное» Евангелие в алтаре («в часовничной лист, Распятие, на нем надписание на досцѣ „Распятие Господне“, выше „Исус Христос“»);¹⁹ напрестольные кресты с Распятием и надписанием «Исус Христос» — серебряный позолоченный крест «с мощьми святых... дан по ризѣ Господни» 7155 (1646/1647) г.;²⁰ «зла-

¹³ В 1701 г. находилась над ракою митрополита Петра (РИБ. Т. 3. Стб. 676—677). См. также «Солнце пресветлое» Симеона Моховикова: «Нынѣ же сей святыи образ здѣ в царствующем граде Москвѣ в болшом Успенском соборѣ обрѣтается в олгарѣ» (ГИМ, Музейское собр., № 42, л. 74).

¹⁴ Щенникова Л. А. Чудотворные иконы Московского Кремля // Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 234. Опубл.: Иконы Успенского собора Московского Кремля. С. 128—133 (атрибуция: Деисус («Предста Царица»). Новгород, сербский мастер. Конец XIV в. (около 1380)).

¹⁵ Состав Деисусного ряда Успенского собора фиксирует Опись 1701 г.: «В верхнем тѣбле в Деисусах образ всемилоствиваго Спаса, седящий на престоле <...> У Богородичного и Предтечева и у дву архангелов и у двнадесять апостолов оклады...» (РИБ. Т. 3. Стб. 599).

¹⁶ По всей видимости, речь идет о почитавшемся настенном образе Богоматери Печерской с предстоящими святителями Петром и Алексием и преп. Сергием Радонежским, находившемся в церкви Похвалы Богородицы у западных дверей Успенского собора (была пристроена к церкви Ризоположения). См.: Щенникова Л. А. Чудотворные иконы Московского Кремля. С. 234.

¹⁷ Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 208.

¹⁸ Согласно описи 1701 г., над ракою митрополита Ионы помещались в киотах три образа: Спаса Нерукотворного, архистратига Михаила и «образ Ионы митрополита, которой был на раке чудотворцовой, весь серебряной золочен, стоящей, чеканной, лице и ручки прописаны краскою, на шапке в середине и по сторонам вычеканены 3 херувима» (РИБ. Т. 3. Стб. 613).

¹⁹ В 1701 г. в алтаре Успенского собора хранилось три рукописных Евангелия, на верхних крышках переплета которых имелось изображение Распятія: «Евангелие напрестольное в дестѣ, писано уставом, ветхо <...> верхняя цка обложена серебром со сканью, позолочено; на нем образ Распятія Господне и евангелисты серебряные ж литые позолочены»; «Евангелие напрестольное в поддестѣ малую, писано уставом, оболчено алтабасом золотным, на нем Распятія Господне и евангелисты» и на Гробе Ризы Господней «Евангелие в четверть, писмянное полууставом <...> верхняя цка серебряная чеканная золочена, да на ней же вычеканено в средине Распятія Господне» (РИБ. Т. 3. Стб. 694—695).

²⁰ В Описи 1701 г. в алтаре на Гробе Ризы Господней описан «крест деревянной обложен серебром и золочен, на верхней цке вычеканено Распятія Господне <...> исподняя цка и посторонние резные; и в том кресте подписи мощей мучеников <...>. На исподней ручке подпись: „Дан сий крест в соборную церковь пречистой Богородицы на Москве к Ризе Господни, по Максиме Григорьевиче Матюшкине, лета 7155 году“» (РИБ. Т. 3. Стб. 702).

тосияющий» крест с мощами святых, сделанный при царе Федоре Иоанновиче и патриархе Иове «повелѣнием царицы» в 7103 (1594/1595) г.;²¹ находившийся в «крестохранительницѣ» Успенского собора «драгоценный крест с Распятием, благословящий, вынизан жемчугом, в нем и часть животворящаго древа, и мощи Петра митрополита, и инѣх святых», сделанный также при царе Федоре Иоанновиче и патриархе Иове в 7102 (1593/1594) г.;²² кроме того, ковчежец, «в нем же риза Господня», украшенный крестом с Распятием; второй ковчежец, большего размера, «в нем же глаголют риза Господня из Грузин принесена», также с крестом с Распятием; на обоих крестах «надписание „Царь славы, Исус Христос, ника“».²³

Заметим, что ныне почти все перечисленные реликвии хранятся в музеях Московского Кремля, опубликованы, и мы имеем возможность убедиться в точности сделанных старообрядцами описаний.

В старообрядческих сочинениях первой четверти XVIII в. упоминаются и многие другие московские памятники, в том числе образ Распятия из праздничного ряда Благовещенского собора (старообрядцы фиксировали на нем надписание: «Царь славы Исус Христос»),²⁴ образ Спасителя (Спас Смоленский) на Спасских воротах «предревнѣйший, иже подписание греческое имѣет» (ДО. 30; ПО. 49), большой меднолитой крест (ныне неизвестный?): «В приказѣ Большой казны стоит крест, сотворенный при царѣ Михаилѣ

²¹ Скорее всего, Андрей Денисов упоминает крест, находившийся в алтаре Успенского собора и являвшийся вкладом в собор И. П. Татищева 1594/1595 г. (именно этот крест, единственный, имеет дату «7103»): «Крест серебряной сканного дела с финифтью, вызолочен, на нем Распятие чеканное <...> у того креста исподняя цка серебряная гладкая золочена; а в нем, по подписи на той цке, млеко Пречистые, да мощей <...>. Да под тою подписью, подпись тому животворящему кресту: „Сделан крест сий <...> при державе <...> государя царя великого князя Федора Иоанновича, всея Руси самодержца, и при его благоверной царице и великой княгине Ирине и при святейшем Иове, патриархе всеа Росии, повелением государева думного дворянина Игнатия Петровича Татищева, лета 7103“» (РИБ. Т. 3. Стб. 696—698).

²² Этот крест, вклад в Успенский собор боярина Б. Ф. Годунова 1593/1594 г., подробно описан в Описи 1701 г. в разделе «Кресты благословящие в олтаре»: «Крест, оклад на нем золотой на кипарисной древе, с трех сторон сканного дела с финифтью, а исподняя сторона гладкая; а на том кресте вычеканены образы Распятие Господне <...>. Да, по подписи резной, в том животворящем кресте древо животворящее, да мощей: Андрея Первозванного, Иякова брата Господня, Иоанна Златоустаго; апостола Луки, Григория Богослова, царя Константина, Лазаря друга Божия, мучеников Пантелеймона, Нестора, Иоанна Нового, Тихона чудотворца, мучениц Параскевы и Марины, святаго Трифилия, древо раки чудотворца Петра митрополита. Да под теми подписми подпись тому животворящему кресту: „Божиею милостию, сделан сий крест золот <...> при благочестивом государе царе и великом князе Феодоре Иоанновиче <...> и при святейшем Иове, патриархе всеа Руси, повелением слуги и боярина и конюшего Бориса Федоровича Годунова, лета 7102 году“» (РИБ. Т. 3. Стб. 695—696).

²³ *Смирнов П. С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 035. О ковчеггах, в которых хранились частицы ризы Господней, см.: Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 74—75. Скорее всего, старообрядцы видели те ковчегги, которые в 1701 г. помещались в шатре Гроба Господня: «Ковчег серебряной резной золочен, четвероугольной, с кровлею <...> на кровле Распятие Господне резное, а в ковчеге ковчежец малой четвероугольной серебряной с кровлею, местами золочен, на кровле вырезан крест, а в ковчеге малая часть Ризы Господни» (РИБ. Т. 3. Стб. 602). Другой ковчег хранился тут же, но был вложен в медный ящик: «ковчег серебряной золоченой с Ризою Господнею, с которою ходят в домы; ковчег делан кiotью, на ковчеге вырезан образ Распятия Господня» (Там же. Стб. 603).

²⁴ Опубл.: *Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А.* Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1990. № 143.

Феодоровичъ, из сибирския мѣди, надписание на нем: „Царь славы, Исус Христос, ника“».²⁵

Основательно были обследованы новгородские святыни: Корсунские медные врата²⁶ (ПО. 28; ДО. 30—31, 44—48); принесенный князем Владимиром также из Корсуни образ св. апостолов Петра и Павла²⁷ («иже нынѣ стоит в Новѣградѣ в соборнѣй Софийской церкви. На оном образѣ написан на верху на срединѣ Спас, благословящую имѣя руку, в молении же ко Спасу у верховнаго апостола Петра молебная рука, обѣ рудѣ сложены дуперстно») (ПО. 28, 31; ДО. 34, 44); явившийся в 1113 г. «многочюдесный образ святителя Николы в Новѣградѣ, круглая дска, иже есть на Ярославли дворищи»²⁸ (ПО. 34; ДО. 33) (рис. 3); многие древние иконы Софийского собора, в том числе чудотворный образ Знамения Пресвятой Богородицы (ПО. 130);²⁹ посох Никиты, епископа Новгородского, находившийся у его раки (ПО. 379; ДО. 119); кресты каменный Алексеевский (ПО. 38, 308; ДО. 31), деревянный поклонный Чудный (Черный) крест на Волховском мосту и Кресты-Распятия Антония Римлянина.³⁰

Вполне очевидно, что описания, вошедшие в старообрядческие сочинения, не могли быть составлены заочно, памятники внимательно рассматривались и изучались: точно указаны местоположение их в храме, особенности иконографии и формы. Старообрядцам оказались доступны для изучения даже памятники, хранившиеся в алтаре Успенского собора; они имели возможность прочитать резные надписи на предметах, что требовало не только серьезных палеографических навыков, но и времени. Кроме того, некоторые предметы следовало брать в руки (надписи на напрестольных крестах, как правило, вырезались на оборотной или на боковых сторонах).

Ярким примером всестороннего изучения предметов церковной древности могут служить описания целого ряда соловецких памятников, сделанные выговскими книжниками, в том числе двух икон «Богоматерь Боголюбская с предстоящими преп. Зосимой и Савватием и братией Соловецкого монастыря, с житием Савватия и Зосимы» 1545 г. (в настоящее время хранятся в Музеях Московского Кремля)³¹ и напрестольного креста работы мастера Димитрия афонского монастыря Симонопетры 1619 г., вклада патриарха Филарета в Соловецкий монастырь 1627 г. (также в музеях Московского

²⁵ Смирнов П. С. Споры и разделения... С. 035.

²⁶ Толстая Т. В., Уханова Е. В. «Корсунские» реликвии и крещение Руси // Христианские святыни в Московском Кремле. С. 156.

²⁷ Лазарев В. Н. Новгородская иконопись. М., 1969. Табл. 1; Иконы Великого Новгорода XI—начала XVI века. М., 2008. С. 74—82, № 1. См. также: Толстая Т. В., Уханова Е. В. «Корсунские» реликвии и крещение Руси. С. 153—154.

²⁸ Так называемый Дворищенский образ св. Николы. См.: Житие и чудеса св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского, и слава его в России / Сост. А. Вознесенский, Ф. Гусев. СПб., 1899. С. 191. Опубл.: Иконы Великого Новгорода XI—начала XVI века. С. 118—123, № 5 (происхождение не установлено; по одной из версий, икона происходит из Николо-Дворищенского собора в Новгороде).

²⁹ Опубл.: Иконы Великого Новгорода XI—начала XVI века. С. 89—99, № 3.

³⁰ Смирнов П. С. Споры и разделения... С. 035.

³¹ Одна из них находилась у раки преп. Зосимы и Савватия Соловецких в Троицком Зосимо-Савватиевском соборе (см.: Спасенные сокровища Соловецкого монастыря : Каталог выставки. М., 2001. С. 66—69, № 9). Другая икона ныне помещена в северном пристенном иконостасе Успенского собора Московского Кремля (Там же. С. 69).

Кремля).³² Обращает на себя внимание то, что выговцам оказалась доступна даже соловецкая ризница (рис. 4).

География старообрядческих церковно-археологических экспедиций поражает своей широтой. Ими были обследованы не только древние столицы (Киев, Новгород, Владимир, Москва), но также Север и Центральная Россия.

Из ссылок составителей Дьяконовых и Поморских ответов на конкретные памятники видно, что, собирая свидетельства в пользу старых обрядов, старообрядцы обходили в первую очередь древнейшие храмы и монастыри. О существовании некоторых памятников они, безусловно, знали в силу церковной традиции и на основании списков, но даже и такие образа следовало отыскать в церковном интерьере. Другие же памятники, как можно предположить, выявлялись в ходе внимательного осмотра, прежде всего это касается фресок. Старообрядцы ссылаются на росписи церковей Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре (ДО. 41—42; ПО. 39—40) и Успения на Городке в Звенигороде (ДО. 41; ПО. 39), Успенского собора во Владимире (ПО. 35).

Возникает вопрос, каким образом велись эти церковно-археологические разыскания, как старообрядцам удавалось внимательно осматривать убранство храмов: ведь они не имели молитвенного общения с официальной церковью, следовательно, на службах присутствовать не могли. Скорее всего, они посещали храмы во внеслужбное время, договариваясь — тем или иным образом — с церковными служителями. К примеру, к старообрядческим кругам принадлежал Симеон Моховиков, в первой четверти XVIII в. служивший сторожем в Благовещенском соборе Московского Кремля. (Перед древними иконами, даже находящимися в храмах официальной церкви, старообрядцы могли креститься и в отсутствии окружающих крестились двуперстно.)

Старообрядцы не просто фиксировали памятники, они их изучали. Из материалов Тимофея Лысенина видно, что, осматривая храмы, они старались узнать историю бытования древних образов. Например, о Тихвинской иконе Богородицы на Крутицком подворье он записал: «На Крутицахъ в болшей церкви у праваго крылоса есть образъ Пресвятыя Богородицы, древней Тифенския, мѣрою во аршинъ или болши. Глаголють же о немъ церковницы тоя церкви: принесенъ из Царяграда в прежняя в древняя лѣта, а подпись ІС ХС. Еще же на том же образѣ есть подпись, но невѣдомо коимъ языкомъ. И списали то нѣцы, и мнози смотрѣли, а прочести не могли».³³ Данные самого памятника и предания о нем старообрядцы по возможности дополняли историческими сведениями письменных источников о происхождении предмета, обстоятельствах и времени его создания.

Старообрядцы обращали внимание на противоречия в изображениях. Например, в Успенском соборе Троице-Сергиева монастыря Тимофей Лысенин отметил двуперстие на древних иконах и троеперстие на новонаписанных (в 1684 г.) фресках.³⁴ Осмотрев собор Симонова монастыря, он записал: «В Си-

³² См.: Греческие документы и рукописи, иконы и памятники прикладного искусства московских собраний : Каталог выставки. М., 1995. С. 84—85. № 56 (Инв. № ДК-1162). Этот крест среди реликвий обители упоминает справочник 1910 г. См.: Православные русские обители. СПб., 1910. С. 16 (репринт: СПб., 1994).

³³ РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1256, стб. 899.

³⁴ Там же, стб. 892—893.

монове монастырѣ в соборной великой церкви у праваго крилоса есть образъ древней Тифенския, а рука благословенная по обычаю древнихъ же иконѣ. Тамо же въ церкви у лѣваго крилоса есть образъ Феодора Стратилата древняя, а руку сложены держитъ по Максиму (т. е. Максима Грека. — *Е. Ю.*) писанию, а в ней же крестъ по обычаю держитъ, а в другой руке оружие. Да подле того же образа есть икона мѣстная же новое письмо, а руку держит правую тремя персты, а в другой крестъ». ³⁵ О новой, 1697 г., ³⁶ росписи московского Благовещенского собора сказано: «А прежние писание тамо же в церкви не тако» (стб. 893) (рис. 5).

Ревнители старины также отмечали изменение изображения крестного знамения на иконах устоявшейся иконографии, например на так называемой иконе Богоматери Ростовской: «Есть икону пишутъ нынѣ ростовскихъ святыхъ, Спасовъ образъ и Богородицы, и к нему стоять Леонтии, Исаиа и Игнатии ростовския чудотворцы. А та икона есть на Москвѣ на Ростовскомъ подворье, у архиерейской келии над дверми стоять. А сложение перстовъ Леонтей и Игнатей ко образу держать тремя первыми персты. А той образъ новой. На древнихъ же писано обрѣтаемъ у тѣхъ святыхъ двема персты ко образу молящия руки». ³⁷

Старообрядцы были подлинными знатоками иконографии. Напомним, что к старообрядческому кругу принадлежал и сторож Благовещенского собора Московского Кремля Симеон Моховиков, составитель «Солнца пресветлого», обширного свода изображений и описаний богородичных икон. В глазах старообрядцев «истинная» икона соединяла в себе древность письма с древностью изображенных на ней церковных обычаев.

Именно подавляющее большинство примеров изображения двуперстия на древних иконах служило доказательством истинной древности такой формы крестного знамения. Тимофей Лысенин завершил свой обширный свод об иконах замечанием: «Мы убо не вся описахомъ, гдѣ что видѣхомъ, но от части, понеже не возмогаемъ. Произволивый же множае искати да опишетъ многая. А всего невозможно описати никому же от человѣкъ <...> Помысли о всѣхъ сихъ, коликое множество в церквахъ и в домѣхъ обрящется древлеписаныхъ честныхъ иконѣ, и на ризахъ, и на покровахъ, и на сосудахъ церковныхъ, и в книгахъ в лицахъ, писменныхъ и печатныхъ, греческихъ и словенскихъ, и в нихъ обрѣтаемъ сложение перстное три въкупѣ — великий персть со двема малыми, да два перста, вышний и средний великий, вмѣсто сложены». ³⁸

Как отмечалось выше, Дьяконовы и Поморские ответы опираются на обширный общий пласт фактического материала. Главными темами, вокруг которых группировались доказательства, были: двуперстие, двуперстная форма благословения, трисоставный крест, написание имени Спасителя, форма архиерейского жезла, восьмиконечный крест. Свидетельства одних и тех же памятников могли использоваться в разных разделах. Однако основ-

³⁵ Там же. Стб. 898.

³⁶ Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А. Благовещенский собор Московского Кремля. С. 21. См., например, раскрытые в ходе реставрационных работ XX в. фрески 1547—1551 гг.: Там же. № 50, 57, 85.

³⁷ РНБ, собр. М. П. Погодина, № 1256, стб. 901.

³⁸ Там же. Стб. 910—911.

ной массив свидетельств относился к доказательству древности двуперстия. Составители Дьяконовых ответов расположили изобразительный материал отдельными блоками и по иконографическому принципу. В Поморских ответах (писавшихся позже и не так спешно) материал систематизирован иначе. В 5-м ответе 93 свидетельства в защиту двуперстия (как книжные, так и церковно-археологические) были расположены в общем хронологическом порядке, начиная с самых древних.

И в Дьяконовых ответах, и в Поморских содержится осуждение «премѣнения в живописании святых икон»: «...новопишуще нынѣшнии живописцы не наблюдают во всем подобия древлеписанных чудотворных икон, новоизображении лица и всея плоти одобелѣвают, и не с приуподобления древняго благоговѣйнаго изображения, но с уподобления дебелыхъ человѣк, тако и на иконахъ изображающе, с латинскаго живописания принимающе в разломленияхъ риз и прочих начертанияхъ» (ДО. 88). Выговские книжники отмечали: «...пишут иконы не от древнихъ подобии святыхъ чудотворныхъ образов, греческихъ и российскихъ, но от своерасудительнаго смышления, и вид плоти Спаса Христа и прочихъ святыхъ одобелѣвают, и в прочихъ начертанияхъ не подобно древнимъ святымъ иконамъ имѣюще, но подобно латинскихъ и прочимъ (иже в Библиахъ напечатаны и на полотнахъ малиованы) изображениемъ» (ПО. 340—341).

«Сия живописательная новоиздания» рождали в старообрядцах сомнения по трем причинам: 1) вследствие отсутствия «умеренной тонкости» древних образцов (как тут не вспомнить беседу «Об иконном писании» протопопа Аввакума); 2) сложение перстов «живописуют» «по новопреданию Никона патриарха» троеперстно или именовсловно; 3) имя Спасителя подписывают по-новому, «двулитерно» (т. е. IC) (ПО. 340—343).

Старообрядцы отмечали появившуюся практику исправления древних икон, не отвечавших новым эстетическим и догматическим требованиям: «Еще же и древняя святыя образы преправлениемъ лица и сложения перстов в рукахъ по новопреданию переписываются» (ПО. 343); «...се убо видим и нынѣ нѣцци человѣкоугодницы иконописцы не з древнихъ чудотворныхъ иконъ пишутъ о сложении перстномъ, еще же и переписываютъ инако. А церковницы нѣцци древняя святыя иконы вонъ выносятъ ис церквей и поставляютъ на паперти, а иныя в ризницы и индѣ раздають, а вмѣсто тѣхъ новыя пишутъ».³⁹

В ряде случаев мы можем говорить о критике источника. В своем труде выговцы указывают некоторые случаи поновления древних икон. К примеру, подробному разбору подвергается Иерусалимская (Гефсиманская) икона Богоматери, находившаяся в Успенском соборе.⁴⁰ Выговские старообрядцы демонстрируют приемы внешней и внутренней критики источника, они приводят три соображения, почему именовсловное сложение руки Спасителя не является древним (а этот образ действительно был поновлен в 1701 г.): внешний вид памятника («образъ той весь поновленъ зрится» — ДО. 42; ПО. 129); если бы такое написание руки было древним, то этот образ не преминули бы привести оппоненты старообрядцев в «Жезле правления» и «Увете духовном»; в то же

³⁹ Там же. Стб. 912.

⁴⁰ Христианские реликвии в Московском Кремле. С. 170—171.

время приписанные на полях Иерусалимской иконы Богоматери святые имеют благословляющие руки «двема перстома» сложенные.

Разоблачение старообрядцами созданных в начале XVIII в. и выдававшихся за древние рукописей «Соборного деяния на еретика Мартина» и «Феогностова требника» стало первым отечественным опытом научной критики источника; на этом основании В. Г. Дружинин справедливо назвал выговских книжников первыми палеографами. Столь же всесторонне и основательно старообрядцы изучали памятники художественной культуры, находившиеся в церковном обиходе в начале XVIII в. Свободное владение материалом, глубокие познания в области иконографии, применение методов сравнительного и критического анализа дают достаточно оснований считать старообрядцев также первыми искусствоведами. Собранный при подготовке Дьяконовых и Поморских ответов материал содержит ценнейшие свидетельства о бытовании и восприятии памятников церковной старины в начале Нового времени.